

Н. Киреевский

**О характере просвещения
Европы и о его отношении к
просвещению России**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н. Киреевский**
О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России
/ Н. Киреевский – М.: Книга по Требованию, 2014. – 68 с.

ISBN 978-5-458-08262-4

Письмо к Е.Е. Комаровскому

ISBN 978-5-458-08262-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

и Поляки находились прежде въ такомъ же мракѣ, въ какомъ сперва были и всѣ Нѣмцы , и въ какомъ мы живемъ до сихъ поръ, и только благодаря безконечнымъ усиліямъ своихъ правителей могли они наконецъ открыть глаза и усвоить себѣ европейское знаніе, искусства и образъ жизни. — Это движеніе наукъ на землѣ сравниваю я съ обращеніемъ крови въ человѣкѣ: и мнѣ сдается, что онѣ опять когда нибудь покинутъ свое мѣстопробываніе въ Англіи, Франціи и Германіи , и перейдутъ къ намъ на нѣсколько столѣтій , чтобы потомъ снова возвратиться на свою родину, въ Грецію. »

Эти слова объясняютъ увлеченіе, съ которымъ дѣйствовалъ Петръ, и во многомъ оправдываютъ его крайности. Любовь къ просвѣщенію была его страстью. Въ немъ одномъ видѣлъ онъ спасеніе для Россіи ; а источникъ его видѣлъ въ одной Европѣ. — Но его убѣжденіе пережило его цѣлымъ столѣтіемъ въ образованномъ, или правильнѣе, въ переобразованномъ имъ классѣ его народа ; и тому 30 лѣтъ едва ли можно было встрѣтить мыслящаго человѣка, который бы постигалъ возможность другаго просвѣщенія, кромѣ заимствованнаго отъ Западной Европы.

Между тѣмъ съ тѣхъ поръ въ просвѣщеніи Западно-Европейскомъ , и въ просвѣщеніи Европейско — Русскомъ, произошла перемѣна.

Европейское просвѣщеніе, во второй половинѣ 19-го вѣка достигло той полноты развитія, гдѣ его особенное значеніе выразилось съ очевидною ясностію для умовъ, хотя нѣсколько наблюдательныхъ. По результатъ этой полноты развитія, этой ясности итоговъ, былъ почти всеобщее чувство недовольства и обманутой надежды. — Не потому западное просвѣщеніе оказалось неудовлетворительнымъ, чтобы науки на Запа-

дѣ утратили свою жизненность; напротивъ : онѣ процвѣтали, по видимому, еще болѣе чѣмъ когда нибудь; не потому, чтобы та или другая форма виѣшней жизни тяготѣла надъ отношеніями людей или препятствовала развитію ихъ господствующаго направленія ; напротивъ: борьба съ виѣшнимъ препятствіемъ могла бы только укрѣпить пристрастіе къ любимому направленію, и никогда кажется виѣшняя жизнь не устроивалась послушнѣе и согласнѣе съ ихъ умственными требованіями. Но чувство недовольства и безотрадной пустоты легло на сердце людей, которыхъ мысль не ограничивалась тѣснымъ кругомъ минутныхъ интересовъ, именно потому, что самое торжество ума европейскаго обнаружило односторонность его коренныхъ стремленій; потому что при всемъ богатствѣ, при всей, можно сказать, громадности частныхъ открытій и успѣховъ въ наукахъ, общій выводъ изъ всей совокупности знанія представилъ только отрицательное значеніе для внутренняго сознанія человѣка; потому что при всемъ блескѣ, при всѣхъ удобствахъ наружныхъ усовершенствованій жизни, самая жизнь лишена была своего существеннаго смысла : ибо , не проникнутая никакимъ общимъ, сильнымъ убѣжденіемъ, она немогла быть ни украшена высокою надеждою , ни согрѣта глубокимъ сочувствіемъ. Многовѣковый холодный анализъ разрушилъ всѣ тѣ основы, на которыхъ стояло европейское просвѣщеніе отъ самаго начала своего развитія; такъ, что собственныя его коренныя начала, изъ которыхъ оно выросло , сдѣлались для него посторонними , чужими, противорѣчащими его послѣднимъ результатамъ: между тѣмъ какъ прямою собственностію его оказался этотъ самый , разрушившій его корни , анализъ , — этотъ самодвижущійся ножъ разума, — этотъ отвлеченный силлогизмъ , непризнающій ничего кромѣ себя и

личнаго опыта, — этотъ самовластныйъ разсудокъ, — или — какъ вѣрнѣе назвать эту логическую дѣятельность, отрѣшенную отъ всѣхъ другихъ познавательныхъ силъ человѣка, кромѣ самыхъ грубыхъ, самыхъ первыхъ чувственныхъ данныхъ, и на нихъ однихъ созидающую свои воздушныя, діалектическія построенія.

Впрочемъ, надобно вспомнить, что чувство недовольства и безнадежности не вдругъ обнаружилось въ западномъ человѣкѣ при первомъ явномъ торжествѣ его разрушительной разсудочности. Опрокинувъ свои вѣковыя убѣжденія, онъ тѣмъ болѣе надѣялся на всемогущество своего отвлеченнаго разума, чѣмъ огромнѣе, чѣмъ крѣпче, чѣмъ объемлющѣ были эти убѣжденія, имъ разрушенныя. Въ первую минуту успѣха его радость не только не была смѣшана съ сожалѣніемъ, но напротивъ, упоеніе его самонадѣянности доходило до какой-то поэтической восторженности. Онъ вѣрилъ, что собственнымъ отвлеченнымъ умомъ можетъ сейчасъ же создать себѣ новую разумную жизнь и устроить небесное блаженство на переобразованной имъ землѣ. Страшные, кровавые опыты не пугали его; огромныя неудачи не охлаждали его надежды; частныя страданія налагали только вѣнецъ мученичества на его ослабленную голову; можетъ быть цѣлая вѣчность неудачныхъ попытокъ могла бы только утомить, но не могла бы разочаровать его самоувѣренности, еслибы тотъ же самыйъ отвлеченный разумъ, на который онъ надѣялся, силою собственнаго развитія, не дошелъ до сознанія своей ограниченной односторонности.

Этотъ послѣдній результатъ европейской образованности, правда еще далеко не сдѣлавшійся всеобщимъ, но очевидно начинающій уже господствовать въ передовыхъ мыслителяхъ Запада, принадлежитъ повѣишей,

и вѣроятно уже окончательной эпохѣ отвлеченно философскаго мышленія. Но мнѣнія философскія не долго остаются достояніемъ ученыхъ кафедръ. Что нынче выводъ кабинетнаго мышленія, — то завтра будетъ убѣжденіемъ массъ. Ибо для человѣка, оторваннаго отъ всѣхъ другихъ вѣрованій, кромѣ вѣры въ рациональшую науку, и не признающаго другаго источника истины кромѣ выводовъ собственнаго разума, судьба философіи дѣлается судьбою всей умственной жизни. Въ ней не только сходятся всѣ науки и всѣ житейскія отношенія, и связываются въ одинъ узелъ общаго сознанія; но изъ этаго узла, изъ этаго общаго сознанія, снова исходятъ правительственныя нити во всѣ науки и во всѣ житейскія отношенія, даютъ имъ смыслъ и связь, и образуютъ ихъ по своему направленію. Отъ того не рѣдко видѣли мы, какъ въ какомъ нибудь уголкѣ Европы созрѣваетъ едва замѣчательная мысль въ головѣ какого нибудь труженика науки, котораго и лице едва замѣтно толпѣ его окружающей, и черезъ двадцать лѣтъ, эта незамѣтная мысль этаго незамѣтнаго лица управляетъ умами и волею этой же самой толпы, являясь передъ нею въ какомъ нибудь яркомъ историческомъ событіи. — Не потому, чтобы въ самомъ дѣлѣ какой нибудь кабинетный мыслитель изъ своего дымнаго угла могъ по своему произволу управлять исторіей: но потому, что исторія, проходя черезъ его систему, развивается до своего само-сознанія. Онъ только замѣчаетъ и сводитъ въ одинъ общій итогъ совокупность господствующихъ результатовъ, и всякій произволъ въ движеніи его мысли отнимаетъ у нея всю силу надъ дѣйствительностію: ибо только та система дѣлается господствующею, которая сама есть необходимый выводъ изъ господствовавшихъ до нея убѣжденій. Такъ въ организмѣ народовъ, ос-

повышающихся свои убѣжденія единственно на своихъ личныхъ разумѣнїяхъ, голова философа является какъ необходимый естественный органъ, черезъ который проходитъ все кругообращеніе жизненныхъ силъ, отъ внѣшнихъ событїи возвышаясь до внутренняго сознанїа и отъ внутренняго сознанїа снова возвращаясь въ сферу очевидной исторической дѣятельности. Посему можно сказать, что не мыслители западные убѣдились въ односторонности логическаго разума; но самъ логическій разумъ Европы, достигнувъ высшей степени своего развитїа, дошелъ до сознанїа своей ограниченности, и уяснивъ себѣ законы собственной дѣятельности, убѣдился, что весь объемъ его самодвижной силы не простирается далѣе отрицательной стороны человѣческаго знанїа; что его умозрительное сцѣпливаніе выводныхъ понятїи требуетъ основанїи, почерпнутыхъ изъ другихъ источниковъ познанаїа; что высшія истины ума, его живыя зрѣнїа, его существенныя убѣжденїа, всѣ лежатъ внѣ отвлеченнаго круга его діалектическаго процесса; и хотя не противорѣчатъ его законамъ, однакоже и не выводятся изъ нихъ, и даже не дослаживаются его дѣятельностию, когда она оторвана отъ своей исконной совокупности съ общою дѣятельностию другихъ силъ человѣческаго духа.

Такъ западный человѣкъ, исключительнымъ развитїемъ своего отвлеченнаго разума утративъ вѣру во всѣ убѣжденїа не изъ одного отвлеченнаго разума исходящїа, въ слѣдствїе развитїа этаго разума потерялъ и послѣднюю вѣру свою въ его всемогущество. Такимъ образомъ былъ онъ принужденъ, или довольствоваться состоянїемъ полускотскаго равнодушїа ко всему, что выше чувственныхъ интересовъ и торговыхъ расчетовъ, — (такъ сдѣлали многіе: но многіе не могли, ибо еще сохранившимися остатками прежней жиз-

ни Европы были развиты иначе;)—или долженъ былъ опять возвратиться къ тѣмъ отвергнутымъ убѣжденіямъ, которыя одушевляли Западъ прежде конечнаго развитія отвлеченнаго разума:—такъ сдѣлали нѣкоторые; но другіе не могли потому, что убѣжденія эти, какъ они образовались въ историческомъ развитіи Западной Европы, были уже проникнуты разлагающимъ дѣйствіемъ отвлеченнаго разума, и потому изъ первобытной сферы своей, изъ самостоятельной полноты и независимости, перешли на степень разумной системы, и отъ того являлись сознанию человѣка Западнаго какъ односторонность разума, вмѣсто того, чтобы быть его высшимъ, живительнымъ началомъ.

Чтоже оставалось дѣлать для мыслящей Европы?—Возвратиться еще далѣе назадъ, къ той первоначальной чистотѣ этихъ основныхъ убѣжденій, въ какой они находились прежде вліянія на нихъ Западно-Европейской разсудочности?—Возвратиться къ этимъ началамъ какъ они были прежде самаго начала западнаго развитія? — Это было бы дѣломъ почти невозможнымъ для умовъ, окруженныхъ и проникнутыхъ всеми оболещеніями и предразсудками западной образованности. — Вотъ, можетъ быть, почему большая часть мыслителей европейскіхъ, не въ силахъ будучи вынести, ни жизни тѣсно эгоистической, ограниченной чувственными цѣлями и личными соображеніями; ни жизни односторонно умственной, прямо противурѣчащей полнотѣ ихъ умственнаго сознанія; — чтобы не оставаться со всемъ безъ убѣжденій, и не предаться убѣжденіямъ завѣдомо неистиннымъ, — обратились къ тому избѣгу, что каждый началъ въ своей головѣ изобрѣтать для всего міра новыя общія начала жизни и истины, отыскивая ихъ въ личной игрѣ своихъ мечтательныхъ соображеній, мѣшая новое съ старымъ, невозможное съ возможнымъ; от-

даваясь безусловно самымъ неограниченнымъ надеждамъ, и каждый противорѣча другому, и каждый требу общаго признанія другихъ. — Всѣ сдѣлались Колумбами, всѣ пустились открывать новыя Америки внутри своего ума, — отыскивать другое полушаріе земли по безграничному морю невозможныхъ надеждъ, личныхъ предположеній и строго силлогистическихъ выводовъ.

Такое состояніе умовъ въ Европѣ имѣло на Россію дѣйствіе противное тому, какое оно въ послѣдствіи произвело на Западъ. Только немощіе, можетъ быть, и то развѣ на минуту, могли увлечься наружнымъ блескомъ этихъ безразсудныхъ системъ, обмануться искусственнымъ благообразіемъ ихъ гнилой красоты; но большая часть людей, слѣдившихъ за явленіями западной мысли, убѣдившись въ неудовлетворительности европейской образованности, обратили вниманіе свое на тѣ особенныя начала просвѣщенія, неоцѣненныя европейскимъ умомъ, которыми прежде жила Россія, и которыя теперь еще замѣчаются въ ней помимо европейскаго вліянія.

Тогда начались живыя историческія розысканія, сличенія, изданія. Особенно благодѣтельны были въ этомъ случаѣ дѣйствія нашего Правительства, открывшаго въ глуши монастырей, въ пыли забытыхъ архивовъ, и издавшаго въ свѣтъ столько драгоценныхъ памятниковъ старины. — Тогда Русскіе ученые, можетъ быть въ первый разъ послѣ полутора ста лѣтъ, обратили безпристрастный, испытующій взоръ внутрь себя и своего отечества, и изучая въ немъ новыя для нихъ элементы умственной жизни, поражены были страннымъ явленіемъ: они съ изумленіемъ увидѣли, что почти во всемъ, что касается до Россіи, ея исторіи, ея народа, ея вѣры, ея коренныхъ основъ просвѣщенія,

и явныхъ, еще теплыхъ слѣдовъ этого просвѣщенія на прежней Русской жизни, на характеръ и умъ народа, — почти во всемъ, говорю я, — они были до сихъ поръ обмануты. — Не потому, что бы кто нибудь съ намѣреніемъ хотѣлъ обмануть ихъ: но потому, что безусловное пристрастіе къ Западной образованности и безотчетное предубѣжденіе противъ Русскаго варварства, заслоняли отъ нихъ разумніе Россіи. — Можетъ быть и они сами прежде, подъ вліяніемъ тѣхъ же предразсудковъ, содѣйствовали къ распространенію того же ослѣпленія. Но обаяніе было такъ велико, что скрывало отъ нихъ самые явные предметы, стоявшіе, такъ сказать передъ ихъ глазами; за то и пробужденіе совершается такъ быстро, что удивляетъ своею неожиданностію. Ежедневно видимъ мы людей, раздѣлявшихъ западное направленіе, — и нерѣдко между ними людей, принадлежащихъ къ числу самыхъ просвѣщенныхъ умовъ и самыхъ твердыхъ характеровъ, — которые совершенно переменяютъ свой образъ мыслей единственно отъ того, что безпристрастно и глубоко обращаютъ свое вниманіе внутрь себя и своего отечества, изучая въ немъ: тѣ основныя начала, изъ которыхъ сложилась особенность Русскаго быта; — въ себѣ: открывая тѣ существенныя стороны духа, которыя не находили себѣ ни мѣста, ни пищи въ западномъ развитіи ума.

Впрочемъ, понять и выразить эти основныя начала, изъ которыхъ сложилась особенность Русскаго быта, — не такъ легко, какъ, можетъ быть, думаютъ нѣкоторые. Ибо коренныя начала просвѣщенія Россіи не раскрылись въ ея жизни до той очевидности, до какой развились начала западнаго просвѣщенія въ его исторіи. Чтобы ихъ найти, надобно искать; они не бросаются сами въ глаза, какъ бросается образованность европейская. Европа

высказалась вполнѣ. Въ девятнадцатомъ вѣкѣ она, можно сказать, докончила кругъ своего развитія, начавшійся въ девятомъ. Россія, хотя въ первые вѣка своей исторической жизни была образована не мѣнѣе Запада, однакоже, въ слѣдствіе постороннихъ, и по видимому случайныхъ препятствій, была постоянно останавливаема на пути своего просвѣщенія; такъ, что для настоящаго времени могла она сберечь, не полное и досказанное его выраженіе, по только одни, такъ сказать, намеки на его истинный смыслъ; одни его первые начала, и ихъ первые слѣды на умѣ и жизни Русскаго человѣка.

Въ чемъ же заключаются эти начала просвѣщенія Русскаго? — Что представляютъ они особеннаго отъ тѣхъ началъ, изъ которыхъ развилось просвѣщеніе Западное? и возможно ли ихъ дальнѣйшее развитіе? и если возможно, то что обѣщаютъ они для умственной жизни Россіи? Что могутъ принести для умственной жизни Европы? — Ибо, послѣ совершившагося спротивленія Россіи и Европы, уже не возможно предполагать ни развитія умственной жизни въ Россіи безъ отношенія въ Европѣ, ни развитія умственной жизни въ Европѣ безъ отношенія къ Россіи.

Начала просвѣщенія Русскаго совершенно отличны отъ тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ составилось просвѣщеніе народовъ Европейскихъ. Конечно, каждый изъ народовъ Европы имѣетъ въ характерѣ своей образованности нѣчто особое: но эти частныя племенные и государственныя или историческія особенности не мѣшаютъ имъ всѣмъ составлять вмѣстѣ то духовное единство, куда каждая особая часть входитъ какъ живой членъ въ одно личное тѣло. Отъ того, посреди всѣхъ историческихъ случайностей, они развивались всегда въ тѣсномъ и сочувственномъ соотношеніи. Россія, отдѣлив-

шивъ духомъ отъ Европы, жила и жизнию отдѣльною отъ нея. Англичанинъ, Французъ, Итальянецъ, Нѣмецъ, никогда не переставалъ быть Европейцемъ, всегда сохраняя при томъ свою національную особенность. Русскому человѣку, напротивъ того, надобно было почти уничтожить свою народную личность, чтобы сродниться съ образованностью западною: ибо и наружный видъ, и внутренній складъ ума, взаимно другъ друга объясняющіе и поддерживающіе, были въ немъ слѣдствіемъ совсѣмъ другой жизни, проистекающей совсѣмъ изъ другихъ источниковъ.

Кромѣ разностей племенныхъ, еще три историческія особенности дали отличительный характеръ всему развитію просвѣщенія на Западѣ: особая форма, черезъ которую проникало въ него Христіанство; особый видъ, въ которомъ перешла къ нему образованность древнеклассическаго міра, и наконецъ, особыя элементы, изъ которыхъ сложилась въ немъ государственность.

Христіанство было душою умственной жизни народовъ на Западѣ, также какъ и въ Россіи. Но въ Западную Европу проникало оно единственно черезъ Церковь Римскую.

Конечно каждый патріархатъ, каждое племя, каждая страна въ Христіанскомъ мірѣ, не переставали сохранять свою личную особенность, участвуя притомъ въ общемъ единствѣ всей Церкви. Каждый народъ, въ слѣдствіе мѣстныхъ, племенныхъ или историческихъ случайностей развившій въ себѣ преимущественно одну какую нибудь сторону умственной дѣятельности, естественно долженъ былъ и въ духовной жизни своей, и въ писаніяхъ своихъ богослововъ, удерживать тотъ же свой особенный характеръ, свою, такъ сказать, природную физиономію, — только просвѣтленную высшимъ